

Ангел - хранитель

Когда с кем-нибудь что-нибудь происходит, и человек каким-то совершенно немислимым образом избегает опасности, то люди говорят: «Это его ангел-хранитель спас!». Кто это такой, и кто его когда-нибудь видел, не знает никто. За исключением, как мне теперь кажется, святых людей. Это не значит, скорее всего, что возможность видеть ангела-хранителя имеет каждый церковно-служаший. Далеко нет. И простой человек иногда может его увидеть, почувствовать. Наверное, в это нужно очень сильно верить. Но то, что он есть у каждого человека, верующий он или нет, это аксиома. Вспомните: как только вам становится невыносимо тяжело, или вы попадаете в сложную ситуацию, независимо от того верующий вы или атеист, все мы просим Бога нам помочь. А как говорит Библия, свою помощь Господь посылает через ангелов.

До определённого времени я не верил в эти «сказки», но жизнь всё расставляет по своим местам. И если ты не совсем, извините, придурок, то трезвые размышления и произошедшие с тобой события заставляют думать, что кто-то или что-то тебе помогло в трудной, а порою и опасной ситуации.

Так и случилось со мной. Однажды, я возвращался домой из Магадана в посёлок Провидения, районный центр одноимённого района Чукотского автономного округа. Лететь надо было через аэропорт города Анадыря, столицы Чукотки, а там частенько веяла пурга, как и в других посёлках Чукотки, или шли дожди в ноябре – декабре, когда должны были быть тридцатиградусные морозы. Так что народ, пассажиры, «присаживались» там надолго. В общем, как гласит народная мудрость, аэропорт не зря звали Анадыркой. Вот и я попал зимой 1975 года в такую ситуацию. И всё бы было ничего, но я вёз с собой ящик куриных яиц, которые полностью отсутствовали в Провидения. Мои волнения были связаны с тем, что яйца имели «странную» способность протухать в самый неподходящий момент.

Итак, я попал в анадырский аэропорт как раз тогда, когда был закрыт аэропорт Провидения. Тут можно было просидеть и неделю, и месяц. Но на третий день моей «отсидки» меня, неожиданно окликнул командир эскадрильи погранчасти расположенной в Провидения Евгений Дмитриевич Коркунов.

- Михаил, здравствуй! Ты что тут делаешь? – обратился он ко мне.
- Сижу, как видите. «Загораю».
- И давненько?
- Слава Богу, только три дня.

- Ну вот, ты за три дня уже и в Бога поверил? - улыбнулся он.
- Тут и в чёрта поверишь, лишь бы помог выбраться отсюда.
- Даа! На чёрта я, вроде бы, и не похож, но, наверное, выбраться тебе отсюда поспособствую.
- Это каким же образом?
- Очень просто. Наш Ли-2* летит сегодня с рыбой. Могу поспособствовать и взять тебя грузом, как рыбу.

- Да хоть как металлолом, - заорал я так, что сидящие пассажиры обернулись ко мне.
- Тссс! Не шуми. Весь народ перепугаешь, – Коркунов приложил палец к губам. – Вещей много?
- Да какие вещи! Спортивная сумка и ящик яиц.
- Богато живёшь. Яйца кушаешь. Нам так не жить, – усмехнулся Евгений Дмитриевич.
- Так это, я могу поделиться, - быстро отреагировал я, но, видимо, мои слова явно разошлись с выражением физиономии.
- Ну да! Конечно! Весь отряд прямо задохнётся от счастья. Кстати. Мы неделю назад завезли самолёт яиц из Владивостока. Мог бы и не везти свой ящик, а подхарчиться у нас.
- Евгений Дмитриевич! У вас что, кормить некого? Мы уж сами решим наши проблемы.
- Это конечно, – согласился он. – Тем более что комсомол никогда не был нахлебником. Значит так! Минут через сорок выходи со своим ящиком к

столовой. Никому ни слова. Подойдёт УАЗик, сядешь в него и к самолёту. Усёк?

- Так точно, – по-военному ответил я.

- Вольно. – слышалось в ответ от уходящего от меня Коркунова.

С Евгением Дмитриевичем мы познакомились во время проведения Всесоюзной эстафеты вдоль Государственной границы СССР, посвящённой тридцатилетию Победы над фашистской Германией.

Начиналась она одновременно из Бреста и острова Ротманова – самой удалённой точки от столицы на северо-востоке. А завершиться должна была, пройдя по всей государственной границе, 9 мая в Москве. Я, как первый секретарь Провиденского райкома комсомола, входил в делегацию эстафетной группы, так как эстафета, пройдя по Чукотскому району, перемещалась в наш район, проходила по всем его погранзаставам. Останавливалась она в районном центре, погранотряде и далее уходила в примыкающий к Провиденскому Иультинский район. Так как между районами транспортной связи не было (собачьи упряжки и вездеходы в расчёт не брались), то обеспечивал передвижение эстафетной группы Провиденский погранотряд, а значит, комэск Евгений Дмитриевич Коркунов, выделяющий эстафетной группе вертолёт. При перелётах на нём время тянулось долго, а разговоров было много. Мы даже успели выяснить, что Евгений Дмитриевич войну закончил в Кенигсберге.

- Так и мой батя там отпраздновал победу, - сказал я.

- Да ты что? – оживился Евгений Дмитриевич. - И долго он у тебя воевал?

- С июня 1941 года, - не без гордости ответил я.
- Вот это случай! Вот это встреча! Прямо как фронтового друга встретил! – Евгений Дмитриевич прямо весь светился. – Жив?
- А как же! В Питере живёт!
- Ну, случай! Ну, случай! – Он достал фляжку. – Коньяк употребляешь? – Я как-то замялся, но он с серьёзным видом сказал: «Как старший по званию разрешаю тебе принять глоточек за здоровье моего боевого побратима, твоего отца. Сам служил?»
- А как же! Не больной и не косарь. Три года под славным городом Луцком, в в/ч 34500.
- Тем более. Остальные примут на вечере в отряде. Ну, первый пошёл, - и он протянул мне фляжку. Все присутствующие с интересом наблюдали эту картину, хотя почти ничего не слышали из нашего разговора из-за рёва винтов вертолётa. Пригубив, я вернул фляжку хозяину.
- Второй пошёл, - сказал он сам себе и, прилично отхлебнув из неё, крикнул, занюхал обшлагом гимнастёрки и весело подмигнул мне. Так мы стали друзьями.

Райком комсомола оказывал пограничникам немалую помощь в бетонировании вертолётных площадок на погранзаставах, комплектации библиотек, выступлении перед личным составом погранотряда культурно-агитационных бригад. Так что активное участие Коркунова в моей анадырской судьбе не было спонтанным.

В указанное время я был у столовой. Подъехал УАЗик. Оттуда выскочил Володя Зайчик – помощник начальника политического отдела погранотряда по комсомольской работе.

- Так это тебя приказано доставить к самолёту? – он весело улыбался.
- Да вроде того, – на той же ноте ответил я.
- Загружайся, – последовала команда и Володя, подхватив мой ящик яиц, первым полез в машину. За ним сел и я. Мы лихо подкатили к стоящему на стоянке самолёту. Оттуда, прямо к нам в ноги два молодых пограничника выкинули три мешка с рыбой.
- Как думаешь, твой вес и вес этих трёх мешков сопоставимы? - выглянув в выход, спросил Коркунов.
- На глаз – да! А вот на вес, - я засмеялся.
- Ну, если на глаз да, то тогда влезайте, - он пошёл вглубь самолёта. Мы с Володей последовали за ним. Пройдя грузовой отсек, оказались в пассажирском. В нём было оборудовано восемь кресел. Все они были заняты. В одном из них я увидел начальника Провиденского морского порта Алексея Дыгу. Поздоровались. Коркунов, открыв следующую дверь, прошёл дальше.

За ним последовали и мы с Зайчиком. За дверьми оказался небольшой отсек с четырьмя креслами и столиком между ними. Как называли его лётчики, это был командирский салон. Сели. К нам из пассажирского салона перебрался и начальник морпорта. Запустили двигатели. После их прогрева самолёт медленно стал выкатываться на взлётную полосу. Все пристегнулись ремнями. Коркунов достал знакомую мне фляжку.

- Так как стюардесс на нашем борту не предвидится, то стюардом буду я, - весело объявил он. - Конфет у нас тоже нет, поэтому предлагаю причаститься коньячком. Возражения есть? Не слышу. Тогда - первый пошёл, - и он протянул фляжку Дыге. Тот, пригубив, передал её мне, и она прошла по кругу.

- Замечательно, - резюмировал Коркунов, изрядно отхлебнув из фляжки. И хитро улыбнувшись, а затем, скривив физиономию, добавил, - Не пошла.... - обратно!

В это время из кабины вышел пилот и что-то на ухо шепнул Коркунову. Тот удивлённо посмотрел на пилота, а затем вслух сказал: «На нет и суда нет!». Снова отвинтил крышку фляжки и приложился к ней. Потом крякнул и «обрадовал» нас объявлением, что Провиденский аэропорт закрылся, предположительно на час - полтора и мы возвращаемся на стоянку. Все расстроились, так как планировали быть дома часа через три.

- Вещи можно с собой не брать, - обнадёжил нас Евгений Дмитриевич, когда самолёт замер на стоянке. - Из аэропорта не уезжать, если хотите улететь. О вашем местонахождении скажите пограничному наряду в отделе перевозок. Всё! Пока все свободны.

Добравшись до зала ожидания, я столкнулся в дверях с председателем Провиденского райспорткомитета Сергеем Энтиным.

- О! Привет! Ты откуда? - задал я вопрос.

- Привет, привет, Николаич! Да я из Анадыря домой. Но тут, говорят, глухарь с полётами?

- Ну, не совсем глухарь. Обещают часа через два отправить рейс, - обнадёжил я его.

- Класс! Кстати, ты не покупал в военторге перчатки? Я вот только что сбегал туда и купил. Глянь-ка.

Перчатки действительно были хорошие: кожаные, утеплённые мехом, с застёжками на запястьях.

- Давай рванём, купим, - предложил Сергей. - Тут делов-то на полчаса. Да и время пролетит быстрее.

Перчатки были мне нужны и я, прикинув, что мы должны успеть, согласился.

Военторг располагался на краю аэродромного посёлка и, чтобы добраться до него, нужно было обойти стороной часть взлётной полосы. Уже по дороге я вспомнил, что не предупредил пограничников, но возвращаться не стал. Полчаса «убили» на то, чтобы добраться до магазина. Уж не помню, что нас там задержало, но когда мы из него вышли, то я увидел, что пограничный самолёт начал выруливать на взлётную полосу. Внутри всё оборвалось: «Прощайте надежды на скорую встречу с родным домом! Да и остался я без своей спортивной сумки и ящика яиц. Когда это я смогу их забрать из погранотряда», - такие мысли вертелись в голове, пока мы добирались до аэровокзала. Придя туда, я, на всякий случай, зашёл в комнату пограничного наряда. Старший сержант, старший наряда, поднявшись из-за стола, успокоил меня:

- Михаил Николаевич! Зайчик просил вас не волноваться и передал вашу сумку, а ящик с яйцами отвезёт к вам домой. Сейчас начнётся регистрация пассажиров на Провидения, давайте ваш паспорт и билет, я зарегистрирую его без очереди.

- Да у меня тут ещё один мой работник, - соврал я, - мы вместе летим. Как насчёт него?

- А где документы?

- Минуту, - сказал я и вышел из комнаты. Сергей курил у выхода из зала.

- Спокойно, - сказал я, подходя к нему, - быстренько и незаметно дай мне твой паспорт и билет.

- А что... - Я не дал ему договорить.

- Ничего! Продолжай курить и грустить. Если верующий, то молись Богу, чтобы он послал нам хорошую погоду.

Через пятнадцать минут я держал в руках зарегистрированные на ещё необъявленный рейс билеты и наши паспорта. Увидев это, Сергей предложил за всё это дело перекусить в столовой. Идея показалась мне интересной, тем более что с утра в моём желудке ничего не было, если не считать коньяк Евгения Дмитриевича. Уже выходя из аэровокзала, услышали объявление о том, что начинается регистрация на рейс Анадырь – Провидения. Ускорившись, мы заскочили в столовую, наскоро перекусили, благо, что народ, находившийся там, рванул в аэровокзал к стойке регистрации. Через сорок минут нас торжественно, металлическим голосом пригласила на посадку.

Самолёт, которым мы летели, назывался Ил-14. Это была модификация Ли-2. Но, на нём были более мощные двигатели и, по идее, этот борт должен был если не догнать, то значительно сократить расстояние между нашим самолётом и пограничным Ли-2.

Полтора часа прошли незаметно в лёгкой дрёме на сытый желудок. До посадки оставалось минут пятнадцать – двадцать, когда двигатели самолёта отчаянно и натужно заревели, самолёт стал резко набирать высоту. Посмотрев в иллюминатор, я там ничего не увидел кроме тумана. Промелькнула мысль: «Всё! Лезем на сопку!» Дело в том, что взлётно-посадочная полоса Провидения была окружена сопками. Заходить на посадку можно было только с моря. Через пару минут самолёт выровнялся.

Из кабины пилотов выскочил мой знакомый механик Николай.

- Коля, - остановил я его, - что случилось?

- Да чёрт его знает! - наклонившись к моему уху, тихо сказал Николай. – Вроде как пограничник сел на сопку и аэропорт закрыли. - И он прошёл в хвост самолёта.

«Сесть на сопку» - это означало катастрофу. Самолёты на сопку не садятся, а врезаются в них. Так погибла моя коллега, первый секретарь Иульгинского райкома комсомола, возвращавшаяся с пленума окружка комсомола.

Когда Николай возвращался, я снова остановил его.

- А мы теперь куда?

- Да чёрт его знает! - повторился он. – Провидения закрылось, Анадырь тоже, Эгвекино, Шмидт, Певек и не открывались. Так что пока летим по прямой. – Он махнул рукой и пошёл в кабину. Эгвекино, Шмидт и Певек – запасные аэропорты для нашего самолёта. Пассажиры с тревогой наблюдали за нашими переговорами и, когда Николай ушёл, все обратили на меня свои взгляды. Ситуация не из приятных.

- Николаич! - один из пассажиров обратился ко мне, - что там говорят? Куда летим?

- Порадовать пока нечем, - отвечал я. – Провидения закрылось, теперь они решают, куда идти на запасной. Я не стал говорить о трагедии с самолётом пограничников и о том, что все запасные аэропорты закрыты. Чего людей пугать. У нас впереди было полно смертельного страха.

И вновь прошло полтора часа, но никто из пассажиров уже не спал. Самолёт стал медленно снижаться, о чём нам достоверно сообщила появившаяся боль в ушах. За бортом всё так же ничего не было видно. Все напряглись. Я увидел руку Сергея, вцепившуюся в подлокотник так, что побелели косточки фаланг. И внутри меня всё было натянуто, как струны на гитаре. Пять, десять минут. Толчок, прыжок и мы покатались по полосе. Куда сели – видно не было. Из кабины вновь выскочил уже повеселевший Николай и сходу объявил: «Анадырь!» Все облегчённо выдохнули. Салон загудел, слышались голоса, смешки и плач. Кто-то всё же не удержал слёз.

Добравшись до аэровокзала, я из комнаты пограннаряда позвонил домой. Мама даже вскрикнула, когда услышала мой голос. Я до этого звонил ей и сказал, что прилечу с пограничниками.

- Ты где?! Ты разбился?!

- Да нет, мам, нет! Я не сел на него. Я в Анадыре, не волнуйтесь там.

- Господи, какое счастье, - запричитала мама. – Почему ты не полетел на нём?

- Мама, всё позже, расскажу когда приеду.

- Да не садись ты на эти самолёты...!

- Что же мне пешком идти? Не волнуйся. Всё!

Как потом мне рассказали, самолёт пограничников попал в низовой снежный заряд. Это когда внизу метёт, а над этим зарядом чистое небо. В этот раз заряд оказался очень сильным и накрыл сопки, окружающие аэропорт. Там включили большой прожектор, чтобы пилот смог сориентироваться по нему при заходе на посадку. Но он, в снежной пелене, пошёл на звезду, думая, что это прожектор. Когда понял, что ошибся, времени для разворота уже не осталось, хотя экипаж и пытался увести самолёт в сторону от сопки. Ему не хватило десяти – пятнадцати сантиметров. Он чиркнул крылом по склону. Кусок крыла отлетел в сторону, а сам самолёт упал в снег. Крылья обломились, и фюзеляж по склону сопки скатился, кувыряясь, метров на двадцать ниже падения самолёта. Большинство пассажиров и экипаж погибли сразу. Но были и живые. Их вытаскивал из разбитого фюзеляжа и собирал вместе начальник морпорта Алексей Дыга. У него треснула тазовая кость, было поломано бедро, множество переломов мелких костей и сильнейшие ушибы, но, несмотря на это, он перетаскивал людей в определённое им место, а затем умудрился каким-то образом разжечь костёр, используя для этого разбросанную по снегу одежду, неведомо откуда для него взявшуюся картонную коробку, какие-то деревяшки. Именно по этому костру они и были найдены и спасены пограничниками.

Я весной побывал на том месте. Там ещё лежали снежные сугробы, но среди оголившихся камней валялись целые, не разбитые яйца.

Евгений Дмитриевич Коркунов и Володя Зайчик погибли. А меня спас мой ангел-хранитель. Никто другой этого сделать не мог. Слава Богу, что он у меня есть и помогает мне в жизни.

30 апреля 2016 г.

г. Россошь